

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С42

Разработка серийного оформления
Марии Коняевой

Скирюк, Дмитрий Игоревич.

С42 Осенний лис / Дмитрий Скирюк. — Москва :
Эксмо, 2019. — 672 с. — (Осенний лис).

ISBN 978-5-04-104412-1

Он — сирота, изгнанник из рода. Он пережил собственную смерть. Травник Жуга проходит через множество испытаний, чтобы узнать свою судьбу. Его предназначение неизвестно, кто он — маг, целитель или воин?

Место действия — средневековая Европа, где сказки живы и не всегда добры.

Текст романа наполнен многочисленными отсылками и скрытыми цитатами из самых разных произведений мировой литературы, от сказок братьев Гримм до Эдгара По, Астрид Линдгрэн и Владимира Высоцкого.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Скирюк Д. И., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-104412-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ОТ АВТОРА

К роману «Осенний лис» у меня отношение особое. Двадцать лет прошло со времени его публикации и почти двадцать пять — с момента написания первых строк. Так сложилось, что у него никогда не было нормального редактора — всё ограничивалось литературной правкой, не всегда качественной. Сегодня многое изменилось. Я стал старше, прибавилось опыта. Курсы литературного мастерства, которые я много лет веду один и в соавторстве, заставляют меня строже относиться к своим старым текстам. Сейчас я вижу недостатки, которые ранее скрылись от моего внимания.

Я благодарен издательству «ЭКСМО» и лично Дмитрию Малкову, с подачи которого произошло переиздание этого романа в наши нелёгкие времена. К новому изданию я настолько серьёзно переработал текст, что впору говорить о второй авторской редакции. Велико было желание вообще всё переписать, но я отказался от этого соблазна. Что сделано, то сделано.

Глядя с высоты прожитых лет на себя, двадцатилетнего, я вижу порывистого, угловатого, но яркого и самобытного автора. Главной трудностью оказалось сохранить эту «непричёсанность», которая выделяет книгу из ряда ей подобных и за которую, вероятно, её до сих пор хвалят и ругают. Конечно, мой дебютный роман несовершенен, но почему-то именно он остаётся самым популярным из всего, что написано мной. Может быть, причина в этой самой «несовершенности»? Искренность чувств, свежесть подачи, обаяние юности, желание раздвинуть каноны жанра, попробовать новое, пусть даже в ущерб читательскому восприятию, — вот главные достоинства этого романа.

Дмитрий Скирюк

Всему своё время. Тогдашний «я» не смог довести его до ума: ему не хватило знаний и опыта, он был слишком упрям и самоуверен. Но сегодняшний «я» ни за что не написал бы подобный роман: он разучился смотреть на мир так наивно и восторженно. И это прекрасно, что сегодня мы встретились и поладили, хотя это было нелегко.

А теперь читайте. Предисловие не должно быть длинным.

Искренне ваш
Дмитрий Скирюк

Оправа: ГОВОРЯЩИЙ

1

Человек на вершине холма наблюдал, как рождается день.

Он сидел здесь неподвижный, словно камень, на фоне медленно светлеющего неба. Казалось, он возник ниоткуда, будто родился этой ночью — лишь только первые лучи рассвета тронули макушку старого холма, а там уже маячил этот тёмный силуэт. У ног человека лежали мешок и посох, за спиной был приторочен меч.

Минуло полчаса. И час. И полтора. Июльское солнце выпило росу, воздух потеплел. Утренний туман пополз в овраг. Поднявшийся ветер зашуршал листвой, волнами всколыхнул высокую траву, коснулся длинных спутанных волос человека на холме.

Человек не шевелился. Он ждал.

От леса, зеленеющего невдалеке, отделилось маленькое тёмное пятно. Помедлило, пересекло дорогу и двинулось через луга к холму, постепенно увеличиваясь. Вскоре можно было различить — по лугу шёл медведь. Приблизился — огромный, бурый, косматый, долгое мгновение смотрел на человека пристально и цепко, словно спрашивал, затем уселся прямо где стоял, на склоне, в двух шагах от человека.

«Зачем позвал?»

Вопрос растаял в воздухе, прежде чем он был произнесён, осталось только эхо. Но человек его услышал.

— Мне нужен твой совет, — сказал он вслух и, помолчав, добавил: — Я знаю, если ты пришёл, значит, согласен мне помочь.

Дмитрий Скирюк

«Ты знаешь, что тебе придется заплатить?»

— Я знаю. — Человек кивнул.

Медведь уселся поудобнее, затем и вовсе лёг на траву. Вздыхнул.

«Рассказывай».

— Какая будет плата?

«О плате поговорим потом. Рассказывай».

— С чего начать?

«С начала».

Человек задумался. Взъерошил рукой непослушные рыжие волосы.

— Это будет долгая история, — сказал он. — Хватит у тебя терпения и сил дослушать до конца? Я слышал, будто вы должны есть сутками, с утра до вечера...

Медведь в ответ на это лишь нетерпеливо отмахнулся.

«Времени у нас достаточно, — сказал он. — Ты выбрал земляничную поляну — это хорошо. К тому же я чую мёд в твоём мешке».

— Да, я принёс.

«Тогда начнём».

ЖУГА

Вечерело.

Красное закатное солнце, медлительное в середине лета, уходя за горизонт, последними мягкими лучами освещало пологие уступы Хоратских гор. Тёмный хвойный лес на их склонах казался издали пушистой шубой, которой закат придавал дивный оттенок старого вина. Лесные птицы сбивчиво и спешно допевали дневные песни, и где-то в чаще ухнул, просыпаясь, филин — птица мудрая и мрачная: для него начиналось время охоты.

За узким ручьём, посреди зеленеющей долины придулилась деревушка — десятка полтора глинобитных домиков, крытых золотистой соломой, ветхие, но ещё прямые плетни, увитые хмелем и вьюнком и увенчанные кринками и горшками, хлевы, сараи, деревянная церквушка и придорожная корчма, немногим уступающая

ей в размерах. Квохтали куры, мычала скотина, но не громко и суматошно, а спокойно, с ленцой. Бранились две хозяйки, что-то не поделившие. Детей на улицах не было — вечер, большинство же мужчин, влекомые жаждой, желанием почесать языки и быть подальше от сварливых жён, спешили навестить корчму. Трое-четверо из них уже подпирали спинами столбики навеса, выйдя то ли проветриться, то ли просто от нечего делать. За оклицей начинались зеленеющие поля — начинались и тянулись на юг и на запад, сменяясь тёмной зеленью лугов и длинными островами ещё более тёмного леса. Всё дышало миром и спокойствием.

По пыльной жёлтой ленте дороги, спускавшейся в долину с горных склонов, пружинистой походкой пастуха-горца шёл юноша с котомкой за плечами. Правая его рука сжимала гладкий ясеневый посох, сбитый и потёртый оконечник которого мог бы многое рассказать знающему человеку. Холщовые штаны и рубашка, ещё крепкие кожаные царвули¹ и овчинный кожух-безрукавка — всё было ношеным и выцветшим, но простым и добротным. Сам путник, хоть и загорелый, казался чересчур светлым для этих мест, наверное, из-за выгоревших рыжих волос, уже изрядно отросших. А может, виной тому были пронзительно-синие глаза или ещё что. На вид ему было лет семнадцать-двадцать — тот неуловимый возраст, когда год-другой, а то и все пять не играют роли, не важно, в какую сторону от двадцати. Усов и бороды путник не носил.

Узкий белёсый шрам, рваные края которого тянулись от запястья к локтю на левой руке, слишком бросался в глаза на загорелой коже — короткий рукав рубахи, наверняка с чужого плеча, не прикрывал его. Намётанный глаз быстро углядел бы и второй шрам — над ключицей, такой же рваный и нехороший, нечестный, а когда парень останавливался смахнуть рукавом пот со лба

¹ Царвули — лёгкие открытые кожаные башмаки с обмоткой, распространённые у южных славян, болгар и некоторых других народов (*болг.*).

Дмитрий Скирюк

и светло-рыжие пряди цеплялись за ухо, открывался ещё один косой белый рубец — на правом виске, где под кожей пульсировала синяя жилка. Владелец умной головы смекнул бы, что у путника наверняка есть и другие отметины, да и шёл он странной походкой, не поймёшь сразу, чем именно странной.

У ручья, через который был переброшен лёгкий мостик без перил, юноша постоял в задумчивой нерешительности, оглядывая деревню, напился воды, смыл с лица дорожную пыль и, подхватив посох, зашагал к корчме.

* * *

Влашек отлепился от стены, приметив интересное, и попытался сфокусировать пьяный взгляд. Кто-то шёл по дороге, то и дело оглядываясь по сторонам. Посох глухо постукивал в такт шагам.

Сегодня у Влашека с утра ничего не ладилось. Сначала разругался с женой из-за непропечённой ковриги, а когда стервоза принялась бить посуду, плюнул на всё и ушёл в поле. Но и там не везло — коса как заговорённая врезалась в землю, да так, что поломался черенок. Потом конь («У, мешок травяной!» — у Влашека даже сейчас кулаки зачесались), когда его запрягали, ухитрился укусить хозяина. И в довершение всех напастей — будто этого было мало! — после третьей... нет, четвёртой кружки проиграл в кости Яну-закорючке пять менок. Пять менок!

Он мрачно закричал, прикидывая, как встретит это известие жена, и даже малость протрезвел, но только самую малость. Впрочем, и этого оказалось достаточно, чтобы разглядеть одинокого странника, остановившегося неподалёку.

Влашеку до смерти хотелось кого-нибудь поколотить.

Путник, остановившись, улыбнулся, не разжимая губ. Кивнул:

— Вечер добрый.

— Для кого добрый, а для кого и не очень, — буркнул

Влашек, почёсывая волосатой рукой потную красную шею. — Откуда путь держишь и куда?

— Иду издалёка. — Парень мотнул вихрастой рыжей головой в сторону гор. — А куда — судьба подскажет. Заночевать тут у вас хочу, а может, и пожить с недельку. Сенювал да хлеба ломоть — мне многого не надо. Если что, отработаю. Работы я не боюсь, вот только...

— Что «только»? — ехидно осведомился Влашек.

— Ничего. Может, чего подскажешь?

Влашек ухмыльнулся, подбоченился и, оглянувшись на своих дружков, стоявших у крыльца, объявил во всеулышание:

— За проход в Чедовуху платить надобно — приказ такой вышел, ежели не слыхал. А не хочешь — ходи стороной. Так что плати. Две менки.

Улыбка юноши стала холодной. Казалось, улыбаются одни глаза — сжатые в усмешке губы не сулили ничего хорошего.

— Где ж это видано, чтобы за проход платить? — спросил он. — Да и кому? Уж не тебе ли?

— Можно и мне, — снисходительно согласился Влашек.

— А ты кто будешь? — всё ещё миролюбиво спросил пришелец.

— Кто, кто! — Влашек начинал сердиться уже по-настоящему. — Не твоё дело. Сказано: плати или проваливай. Ну!

Трое отделились от корчмы и подошли, почуяв забаву. Юноша коротко взглянул на них и снова повернулся к Влашеку. В вечерней тишине коротко упали слова:

— Денег у меня нет.

— Тады, — хмыкнул Влашек, — развязывай мешок. Сам поглядим, чего с тебя взять. — Он ухарски подмигнул приятелям и расплылся в ухмылке. Те засмеялись.

— Не развяжу, — спокойно и безо всякого вызова ответил рыжий. — Уйди с дороги.

— Ха!

— Платить я тебе не стану. Отойди.

— Да ты, я вижу, борзый! — Влашек размахисто шагнул вперёд и попытался цапнуть мальчишку за ворот, но

Дмитрий Скирюк

ухватил лишь воздух — двумя быстрыми шагами парень отступил назад и вбок и, взяв посох в обе руки, поднял его перед собой.

— Дубинкой, так? — В кулаках Влашека заплясал весёлый зуд. — Ах, ты значит так? Ну так на тебе!

Влашек недаром слыл забиякой. Ещё мальцом он верховодил в потасовках с парнями из соседних деревень, и многие помнили его затрешины. Силой его Бог не обидел, он был выше этого нахального паренька и намного шире в плечах, но сегодня полоса неудач, видимо, ещё не кончилась.

Влашек готов был поклясться, что метил в лицо, но в последний миг противник непонятно как извернулся, и тонкий конец посоха ткнул Влашека в грудь так, что потемнело в глазах. Влашек изловчился, сграбастал парня за рубаху, рванул, ударил... и опять промазал: чужак присел, коротко двинул плечом, вырвался, а в следующий миг посох, описав дугу, ударил Влашека под колени. Он рухнул на спину и остался лежать, ошалело вращая глазами.

«Влашко бьют!» — крикнул кто-то, и трое приятелей бросились на подмогу. Один потянул из плетня кол, его примеру поспешил последовать второй. Третий кол был вбит крепко, и последний из троицы, чернявый курносый недомерок, поспешил за остальными с голыми руками. Из дверей корчмы, привлечённые шумом, показались головы любопытных поселян.

В двух шагах от незнакомца они остановились, напряжённо дыша, переминаясь и прикидывая, как сподручнее его обойти. Рыжий поднял взгляд, криво, невесело улыбнулся. Во рту его не хватало нескольких зубов.

— Дайте пройти, — сказал он. — Я не хочу с вами драться.

— Может, не надо? — спросил один, покосившись на приятелей. — Он же сам...

— Чё с ним цацкаться! — крикнул самый горячий, а может, просто самый пьяный. — Бей его, ребята!

Троица ринулась в атаку.

Чужак шагнул вправо, влево, посох в его руках взметнулся, как живой, и пока драчуны соображали, что к че-

му, гибкий ясень уже гудел в воздухе, отбивая беспорядочные удары, гуляя по спинам и бокам, сбивая с ног. Рыжий паренёк кружил, отступал, уклонялся, отбивался и бил сам, отделяваясь царапинами и ушибами, пока все трое не растянулись на земле.

И тут случилось неожиданное. Побивая буйную троицу, паренёк забыл про Влашека. Тот меж тем поднялся, метнулся вперёд и вцепился в его заплечный мешок, сам не зная зачем. Пришелец рванулся, ветхие завязки лопнули, и мешок остался в руках растерянного Влашека. Мгновение он стоял, соображая, что делать, и бегом припустил по дороге.

— Стой! — с отчаянием вскричал юноша. — Эй, погоди! Да стой же! Ах... — Он бросился вдогон, но пробежал несколько шагов и встал, бессильно застонав. И сразу стало ясно, отчего походка его казалась странной: паренёк хромал. Хромал на правую ногу, несильно и даже не очень заметно, но бежать он не мог.

А Влашек убежал. Бросив посох, странник оглянулся на корчму, на три лежащих тела, которые уже начинали шевелиться, на появившихся на улице поселян, снова на убегающего Влашека... Лицо его исказилось. Он вытянул руку Влашеку вослед и выкрикнул непонятное — не то ругательство, не то угрозу с раскатистым «Р» посередине.

Пальцы простёртой руки сжались в кулак.

Влашек бежал уже из чистого упрямства, изредка оглядываясь и скаля зубы. Мешок болтался у него за спиной на уцелевшем ремне. И вдруг поселяне ахнули: ноги Влашека стали заплетаться, он ускорил шаги, но бежал уже назад спиной вперёд. Ещё два шага — и он взвыл: «Ай-я!!!» Лицо его исказила гримаса. Не в силах устоять, он упал, горстями хватая жёлтую пыль, но неведомая сила волокла его назад на место драки, где стоял и словно бы вытягивал невидимую лесу угловатый рыжий паренёк. Влашек корчился, чертил руками борозды, ломая ногти и сдирая кожу. «Карваш!» — ахнули в толпе. Народ задвигался, зашептался. Кто-то бросился бежать, многие поразевали рты: «Чур меня!» «Господи Иусе!» Хмель быстро выветривался.

Дмитрий Скирюк

...Опомнился Влашек у ног незнакомца. Деревенские притихли, окружив обоих полукольцом, насторожённо ожидая, чем всё кончится. Подходить близко, однако, опасались.

Парень оглянулся на них, присел, забрал мешок, хлопал по нему, сбивая пыль. Встал, поднял посох.

— Мир, поселяне, — устало сказал он. — Я не хотел драки. Где живёт деревенский Голова?

Старый Шелег вышел вперёд, подслеповато шурясь.

— Мир и тебе, путник. Я здесь старостой, говори, чего хочешь.

— За проход через вашу деревню и вправду надо платить?

Влашек закричал, посмотрел на ладони. Пальцы были в крови. Трое его приятелей, потирая бока, угрюмо стояли поодаль. Шелег нахмурился.

— Вы, трое, — он поманил пальцем, — сказывайте, как дело было. Кто свару затеял? Говори ты, Илеш.

Длинный и тощий Илеш замылся:

— А что мы? Ну, Влашко, он же пошутить... Да дурость это всё... вот...

— А я сразу понял, — затараторил самый младший. — Не, когда он меня дубиной... это... Я сразу понял — неспроста это! Он, поди ж ты, один против нас, а мы... А я его...

Затрещина прервала словесный водопад.

— Угомонись, — рассудительно сказал третий приятель, опуская руку. Все кругом невольно заулыбались — троих забияк отлично знали в деревне. Ухватистый тёмноволосый Балаж, получивший в драке невиданных размеров фингал, оглядел односельчан и опустил взгляд.

— Сам Влашко полез, — нехотя признал он. — А мы не разобрались спяну, что да как. Оно, конечно, зря. Волох это, не иначе. А только прав он, чё говорить...

— Волох не волох, а задираться не след! — Шелег оглядел побитую троицу. — Хороши богатыри, неча сказать — один малец четверых побил... Звать тебя как, прохожий человек?

— Жугá, — поколебавшись, ответил тот, роняя ударе-

ние на «а». Все невольно посмотрели на его рыжую шелюру, смекая, что к чему.

— Влашек озоровал, — признал старик. — Хоть и вырос, да ума не нажил. А и ты тоже хорош: где кудесничать решил! Ты смотри не балуй! А за проход да погляд денег не берём — дело известное... Откуда идёшь, чего ищешь?

— На постой остановиться хотел, работу сыскать на время. Сам с гор я, а иду издалёка, долго рассказывать.

Шелег нахмурился, пожевал усы.

— Ну, добро, — наконец решил он. — Поступай, как знаешь, мы угрозы чинить не будем... Да крест-то есть на тебе? — вдруг спохватился он. Жуга кивнул, похлопал себя ладонью по груди.

Старик совсем успокоился. Зашевелились и другие — мало ли что на свете бывает!

— Ну, пошли, что ль, — сказал Шелег и первым направился в кабак. Остальные поспешили за ним. Илеш задержался на секунду, наклонился к Влашеку.

— Слышь, ты это... вставай, — неуверенно сказал он, словно боялся, что тот уж не встанет. Влашек опёрся оземь дрожащими руками, поднялся на четвереньки, затем во весь рост.

И только теперь заметил, что штаны у него мокрые. Насквозь.

* * *

Корчма была светлой, с белёными стенами и низким чистым потолком. В воздухе витал холодный табачный дым — многие, вернувшись, снова закурили. Летали мухи. На столах тут и там стояли глиняные кружки с недопитым пивом. Жуга направился в угол у окна, сел за стол. Поселяне с лёгким опасением поглядывали, как он развязывает мешок. На столе появились хлеб, лук, кусок козьего сыра и короткий, с резной ореховой рукоятью нож. Харч у прохожего был свой, но деньги, видно, у него водились, что бы он ни говорил. Кабатчик, добродушный лысоватый толстяк по имени Михеш, сейчас,